

Движение ММК и проблема обособления философских «дискурсов»

Шиян Т.А. Движение ММК и проблема обособления философских «дискурсов» // Язык философии: традиции и новации: Материалы межвузовской конференции. Москва, 7-8 декабря 2010 г. / Отв. ред. А.Н. Круглов. М.: РГГУ, 2010. С.168-175.

Сохранено с сайта: <http://taras-shiyam.narod.ru>.

E-mail: taras_a_shiyam@mail.ru.

Введение: проблема обособления философских «дискурсов»

Одной из рефлексивных проблем философии являются условия обособления и отделения от философии тех или иных философских дисциплин. Обычно эта тема косвенно осмысливается как проблема возникновения института науки, хотя помимо собственно наук от философии отделились также такие области «знания» как богословие и различные «лженауки»: астрология, нумерология, алхимия и др. Да и среди наук, отнесение к ним, например, математики и химии – во многом дело традиции. Конечно, причины отделения некоторых «дискурсов» от философии, видимо, разнородны и многокомпонентны. Но одним из внутренних факторов, приводящих к обособлению и отделению, безусловно, является систематическое использование каких-либо специальных знаковых средств: графических или символических.

В математике семиотическая революция была совершена Декартом, который не только ввел использование новых графических средств в алгебру (декартова система координат), но и стал систематически и на принципиально новом уровне использовать символические обозначения (в основном используемые нами до сих пор). Другим примером является использование символического языка и математических методов в логике в XX в., что привело к ее обособлению и частичному отделению (этот процесс пока не завершен).

Что касается использования в философии специальных графических средств, то оно также древне, как сама философия, и тоже связано с историей математики. Более того, насколько позволяют судить сохранившиеся источники, использование графических схем в геометрии и астрономии восходит к более древнему, чем античная «философия», дискурсу, называемому иногда «древневосточной наукой». Почему же тогда геометрия, арифметика, гармоника и астрономия, еще в античности обособившиеся в отдельный

образовательный блок (квадривиум), вплоть до Нового времени развивались в рамках института философии? Первым напрашивается ответ, отсылающий нас ко всей системе культуры: не существовало отдельного от философии института науки и условий для его возникновения, следовательно, дисциплинам квадривиума просто не было куда отделяться, не было пригодного для этого культурного пространства. С другой стороны, стоит отметить, что еще в античности от философии отделилась теология, оформившись в отдельный социальный институт (даже доминировавший по отношению к философии, как сейчас по отношению к ней доминирует наука). Причем это отделение произошло без участия рассматриваемых нами особых знаковых средств.

Исходя из этих наблюдений, можно уточнить рабочую гипотезу: *использование в философии особых знаковых средств (графических или символических) является одним из факторов, приводящих к формированию обособляющихся от нее дискурсов, но выделение этих дискурсов в особые социальные институты, видимо, обусловлено внешними (по отношению к философии) системными факторами культуры.* Один из этих факторов – наличие в системе культуры подходящего социального института, в структуру которого можно мигрировать из философии (как это произошло с социологией, экономикой и психологией, а сейчас происходит с политологией). Другой возможный внешний фактор (не будем здесь разбираться какой) действовал в поздней античной культуре при институционализации теологии.

В XIII-XIV вв. все большее использование графической схематизации начинается в другой области философии, институционализировавшейся в физику. Среди пионеров «схемотехники» в этой области были Дунс Скотт, Ричард Суайнсхед, Николай Орем, чьи разработки оказали влияние на Коперника, Галилея, Декарта, Лейбница и других создателей физики Нового времени.

Хотя рассмотрение схематизации и ее роли в науках (т.е. после отделения от философии) выходит за рамки темы, но стоит упомянуть химию, которая до начала систематического использования схем и схематизации («языка» для передачи структуры химических соединений и систематизирующей базовой схемы «Таблица Менделеева») была более инженерной дисциплиной, чем наукой. Исследование этого случая могло бы пролить свет на роль систематического использования схем и схематизации в процессах становления научного предмета и теории.

В дальнейшей философии схемы использовались время от времени и не систематическим образом (например, у Гуссерля (1, 31, 99)). В настоящее время ММК (Московский методологический кружок) – единственное известное автору философское направление (системы образования, в которых используется схематизация, я здесь не рассматриваю), в котором схематизация используется систематическим образом.

Интересно, что в некоторый период развития ММК, его участники стали рассматривать методологию не как часть философии, а как отдельный социальный институт рядоположенный философии и науке и даже как доминирующий над ними. При этом указывалось на многочисленные тенденции к методологизации, происходящие в структурах деятельности, мышления и коммуникации по всему миру. В принципе, в таком экспансионизме нет ничего культурно невозможного, поскольку подобные отношения доминирования сейчас существуют между наукой и философией, а в европейском средневековье существовали между теологией и философией. Во всяком случае, исследование современного нам движения ММК может пролить свет, с одной стороны, на проблему роли систематизации в обособлении философских дисциплин и, с другой стороны, на возможное будущее развитие институциональной структуры культуры (появление института методологии и оттеснения им науки с доминирующей позиции в культуре). Такое исследование, безусловно, слишком обширно для рамок одной небольшой статьи. Далее я дам краткий очерк истории движения ММК в его отношении к философии и после фрагментарно рассмотрю некоторые аспекты схематизации, играющей в практике ММК ключевую роль.

В своем рассмотрении я ограничусь по преимуществу работами Георгия Петровича Щедровицкого (1929-1994) как центральной и наиболее репрезентативной фигуры ММК. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что философия Щедровицкого – результат его личного осмысления общего круга идей, схем, результатов, подходов и т.п., обсуждавшихся и использовавшихся в ММК на всем протяжении его истории, и в той или иной форме они принадлежат всем представителям этого движения.

История ММК в контексте советской философии

Движение ММК до сих пор практически не обсуждается в профессиональном философском дискурсе, хотя по своему происхождению, развитию, значительной части участников и

полученным результатам оно теснейшим образом связано с развитием отечественной философии второй половины XX в. Возникло движение где-то в 1952-1954 гг. в форме содружества четырех студентов философского факультета МГУ: А.А. Зиновьева, Г.П. Щедровицкого, Б.А. Грушина и М.К. Мамардашвили. К 1957-му г. движение, с одной стороны, постепенно разрастается за счет втягивания все новых студентов и выпускников философского факультета, а, с другой стороны, от него один за другим отходят все его «основатели», кроме Щедровицкого. С этого времени, движение получает название ММК, а период до 1957 г. – МЛК (Московский логический кружок) (*).

Движение ММК не получает официального академического признания в советское время не только из-за своего стихийного, самодельного и не скорректированного с официальной идеологией характера. В период окончания учебы у Щедровицкого происходит идейный конфликт с тогдашними преподавателями кафедры логики и он становится *persona non grata* не только на кафедре (9, 311-320) и факультете, но отчасти и в других официальных структурах. В результате движение, одним из лидеров которого он являлся, смещается на границу профессиональной деятельности. Правда, это оказало и положительный эффект, поскольку движение становится одним из лидеров в СССР междисциплинарных и комплексных исследований и обретает «выходы» в различные области прикладной и практической деятельности. К 90-м гг. группы методологов (в смысле ММК) работали в педагогике и образовании, архитектуре, медицине, бизнес-консультировании, полит-технологической практике и п.д. Несмотря на некоторую периферийность, Щедровицкий и движение в целом не утрачивают контактов с профессиональным философским сообществом: остаются личные контакты и с другими, вписавшимися в официальные структуры основателями движения и с такими ныне известными философами как, например, А.М. Пятигорский, В.С. Степин, Н.В. Мотрошилова, В.А. Смирнов и многими другими (**).

Обратное движение ММК к академической философии имеет двойкий характер. С одной стороны, на всем протяжении истории МЛК/ММК отдельные участники движения искали философской профессионализации. С другой стороны, в 2000-х гг. в ММК наметилась тенденция вписать идеи и жизненный путь Г.П. Щедровицкого в контекст современной ему мировой философской мысли и истории российской философии (***)

Все же, исходя из сделанных выше наблюдений о роли специальных

знаковых средств в философии, можно прогнозировать (со временем) окончательное отделение ММК-методологии от философии. В этом свете, ее закрепившийся пограничный, междисциплинарный характер, возможно, не случаен и является результатом не только не относящихся к делу социально-исторических обстоятельств, но и некоторых внутренних закономерностей развития «знаниевых» систем.

Схемы и схематизация в ММК (введение к исследованию)

Вопрос о схемах и схематизации можно ставить в нескольких планах. Во-первых, теоретически: что такое схема и схематизация? каковы их роль в мышлении, понимании, рефлексии, объяснении и т.д.? как используются уже готовые схемы, их роль, функция и т.п. в различных «дискурсах»? Второй план рассмотрения можно назвать эмпирическим (историко-философским и/или семиотическим): те же самые вопросы, но применительно к конкретному исторически сложившемуся «дискурсу», в данном случае к ММК. Кроме того, встают дополнительные вопросы, например, о применяющихся системах («языках») схематизации, их соотношении между собой и с другими используемыми знаковыми средствами.

Теоретические вопросы схематизации многократно поднимались в ММК, но работ, в которых эта тема является основной, мне не известно кроме недавней книги (2), в которой схемы рассматриваются более широко (не только как некоторые графемы) и ММК сравнивается (относительно схем и схематизации) с рядом других философских и психологических традиций.

Здесь я подниму только один, но центральный теоретический вопрос: что есть схема и схематизация. Во-первых, повторюсь, что схемы я здесь рассматриваю только как *графические, визуально зафиксированные образования*. Во-вторых, схемы от иллюстраций и других рисунков отличаются тем, что *фиксируют явным и дискретным образом основные предметы нашей мысли (пространства, объекты, процессы, состояния, взаимодействия, отношения и т.д.) в их взаимосвязи, системности*.

В соответствии с данным определением, схематизация включает в себя несколько далеко не тривиальных интеллектуальных действий: выделение основных предметов 1), основных взаимосвязей между ними 2), увязывание их между собой 3) и визуализация 4). С одной стороны, первые три действия связаны вообще со способностью к абстрактному мышлению и далеко выходят за пределы такого частного навыка как схематизация. С другой стороны, визуализация в схеме и является как

раз одним из средств, используемых для фиксации явным образом основных предметов мысли и отношений между ними. Именно фиксация в наглядном виде основных предметов абстрактной, философской мысли и составило специфическую практику ММК, позволив не только добиваться особой точности представления и эффективным образом выносить мыслительное содержание на коллективное обсуждение, но и развить на основе схематизации и манипулирования схемами специфические рефлексивные, мыслительные и герменевтические техники.

То, что я условно назвал манипулированием схемами правильно было бы назвать прикладной или вторичной схематизацией. Применяя готовую схему для понимания/объяснения некоторой области, мы уточняем (через схематизацию) детали базовой схемы относительно нашей предметной области. В частности, можно для этого применять и другие уже готовые подходящие схемы. Другим способом прикладной схематизации является использование некоторой схемы, задающей структурную единицу, «клеточку» предметной области. Далее, мы описываем структуры предметной области, соединяя такие схемы между собой. Этот способ я условно назвал «итерацией». В истории ММК мне известно две схемы, использовавшихся для подобного описания предметных областей: «схема акта мышления» (см. ниже) и «схема акта деятельности» (7, 267, 265).

Графические схематизмы начинают использоваться в исследованиях ММК почти с самого его возникновения, с периода МЛК. Связано это было с программой построения «содержательно-генетической логики». Используемая тогда система графическо-символьной схематизации была приспособлена для представления знаковых структур и процессов. В ее основе лежала модификация структуралистской двухплоскостной знаковой модели. Некоторыми символами обозначались элементы знакового отношения «обозначающее» и «обозначаемое», вертикальными линиями и стрелками само знаковое отношение и операции «отнесения» знака (знаковой формы) к денотату и «замещения» объекта знаком. Горизонтальными стрелками изображались операции преобразования знаков и действия в объектном слое. В этой системе обозначений вычерчивались сложные многоярусные схемы процессов мышления и развития семиотических структур (8, 57-202). В последствии эта схематизация и была отрефлексирована как «схема акта мышления».

Постепенно, со сменой проблематики и предмета исследований использование таких семиотических схем в ММК почти прекращается,

«язык» схематизаций расширяется и становится более универсальным и неопределенным. В целом, в дискурсе ММК использовался целый ряд систем графической схематизации: 1) основной, «универсальный» язык, использующийся, по крайней мере, с начала 60-х гг. вплоть до настоящего времени, попытка дискурсивного описания этой системы была предпринята в (3); 2) система описания знаковых отношений и действий, о которой говорилось выше; 3) «язык» блок-схем; 4) в ряде случаев можно говорить об использовании «языка» графов. Кроме того, в качестве иллюстраций и эмпирического материала использовались схемы, взятые из различных наук и др. областей культуры.

Заключение: новации ММК и философская традиция

Подведем некоторый предварительный итог рассмотрению сходных и отличительных черт в использовании схем в ММК и в предшествующей философской традиции. Можно выделить следующие области соотнесения.

1. В истории философии существовали области, в которых применяли не только отдельные схемы, но и начинали систематически применять схематизацию как метод представления «предметов» мысли, осуществления мышления о предмете, фиксации его результатов. Но во всех этих случаях схематизация касалась количественных «объектов» («чисел», «величин» и т.п.) и их отношений. В традиции ММК, по всей видимости впервые в философии, систематической схематизации стали подвергаться неколичественные предметы мышления.

2. Во всех прежних случаях систематической схематизации, насколько можно судить, использовался только один графический «язык», тогда как в традиции ММК для схематизации использовалось несколько «языков» (некоторые последовательно, некоторые параллельно во времени).

3. Систематическое использование схематизмов в философии ранее приводило к формированию в этой области «научного» предмета (или семейства предметов) с последующим обособлением и институционализацией данной области. Хотя обособленное формирование ММК было связано с некоторыми социальными факторами (т.е. не вытекающими из предмета, методов и т.п.), но последующее развитие выявило и внутренние тенденции к дальнейшему обособлению от философии и осознанию методологии как отдельной сферы деятельности, отличной от философии и науки и даже доминирующей над ними. В постсоветский период, после смерти Г.П. Щедровицкого эти экспансионистские претензии вроде бы стали угасать, и возникло

движение к инкорпорированию наследия ММК в общеполитическую традицию. Так что пока ответ на вопрос, что такое «методология» – философия или отдельный социальный институт, остается пока, видимо, открытым.

Примечания

(*) История ММК многократно освящалась и анализировалась в текстах Щедровицкого, см., например, «Философия у нас есть!..» (8). Эту и ряд других работ Щедровицкого, статьи из Методологического и игротехнического альманаха «Кентавр» и разные другие материалы по истории ММК можно найти на сайте www.circle.ru. Новая сетевая версия Кентавра располагается на <http://circleplus.ru>. Многие работы Щедровицкого и других участников ММК доступны в электронной библиотеке сайта фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» www.fondgr.ru. Непосредственно возникновению ММК посвящено одно из интервью-воспоминаний Щедровицкого (9, 377-322). Анализ различных теоретических аспектов развития ММК дан в (10).

(**) Сведения о контактах Щедровицкого с другими философами советского времени почерпнуты, в частности, из следующих источников. Упоминания о дружбе с Щедровицким имеются в разных текстах Пятигорского; в частности, в выступлении на XII Чтениях памяти Г.П. Щедровицкого 23 февраля 2006 г. (5) Пятигорский упоминает о влиянии, оказанном на него Щедровицким, в понимании роли для мышления (не-мышления) обыденного и специального языка. О дружбе с В.С. Стёпиным – воспоминания Степина «От философии и методологии науки – к философской антропологии (траектории развития идей: 1950-1990-е гг.)» (4). О знакомстве Н.В. Мотрошиловой с Щедровицким – её личный рассказ автору в мае 2008 г. О контактах Щедровицкого и В.А. Смирнова – в статье «Об одном направлении в современной методологии» Щедровицкого (8). Опубликованы тексты выступлений Щедровицкого, где среди участников дискуссий фигурируют А.В. Ахутин, П.П. Гайденко, Б.С. Грязнов, М.К. Петров, В.С. Швырев и др. (например, запись доклада 1973 г. в Институте истории естествознания и техники в «Методология и наука» (8)).

(***) Соотнесению идей ММК с мировой философской мыслью были посвящены VIII-IX Чтения памяти Г.П. Щедровицкого (2002-2003) (6). Относительно выявления места и роли Щедровицкого в истории русской философии второй половины XX в. стоит упомянуть сборник 2004 г. «Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли)» (4), серию исследований и воспоминаний «Философия России второй половины XX века», издаваемую в 2010 г. совместно ИФ РАН и фондом «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», и прошедший по телеканалу Культура 6-16 сентября 2010 года документальный сериал «Отдел».

Литература

1. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего

- сознания времени. М., 1994.
2. *Морозов Ф.М.* Схемы как средство описания деятельности (эпистемологический анализ). М.: ИФ РАН, 2005.
 3. *Мрдуляк П.* Техника рисования схем // Методологический и игротехнический альманах "Кентавр". Вып. 25 (март 2001). С. 41-55.
 4. Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор-составитель Н.И. Кузнецова. М., 2004.
 5. *Пятигорский А.М.* Металингвистическое моделирование // Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2006-2007 гг. М., 2008. С. 12-17.
 6. Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2002-2003 гг. М., 2004.
 7. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995.
 8. *Щедровицкий Г.П.* Философия – Наука – Методология. М., 1997.
 9. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М., 2001.
 10. *Щедровицкий Г.П.* Московский методологический кружок: развитие идей и подходов. Из архива Г.П. Щедровицкого. Т.8. М., 2004.